

Викулова Вера Викторовна

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
СМЕХОВОЙ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – русский язык

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Работа выполнена в Самарском государственном университете.

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Илпохина Надежда Алексеевна
- Официальные оппоненты:** Калимуллина Лариса Айратовна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой общего и
сравнительно-исторического языкознания
Башкирского государственного университета
- Долгова Ирина Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры социальной работы
с молодежью Международного института рынка
- Ведущая организация:** Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия

Защита состоится «15» марта 2012 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 в ФБГОУ ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФБГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Автореферат разослан «14» февраля 2012 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование посвящено анализу многогранного феномена смеха, становившегося предметом изучения в разных науках (философии, филологии, социологии, культурологии, политологии, педагогике, психологии, физиологии человека, антропологии, этнографии). Несмотря на длительную историю научного описания смеха, восходящую еще к работам Аристотеля и Цицерона, интерес к этому феномену не угасает до сих пор. Исследователи акцентируют внимание на таких проблемных вопросах, как сущность смеха, психофизиологические механизмы его порождения, генезис и типология, функциональные возможности, роль в культуре и обществе, специфика языкового воплощения.

В лингвистической параметризации смеха можно выделить несколько направлений. В рамках классической семасиологии исследуются средства языковой экспликации *смеха*: глаголы лексико-семантической группы смеха (Г.И. Кустова) и лексико-семантические поля *смеха* (М.С. Рогова, Н.С. Куприянова).

Под влиянием когнитивного подхода фокус лингвистических исследований сместился в область описания естественного языка как способа репрезентации и обработки знания. Когнитивный подход вовлек в сферу описания смеха категории *концепта, фрейма, пропозиции, ментальной / когнитивной модели*. Полевые структуры в рамках этого подхода стали рассматриваться как способы языковой репрезентации структур ментальных. В лингвистических работах, выполненных в семантико-когнитивном направлении, *смех* рассматривается в системе ключевых концептов русского языка, как фрагмент русской языковой картины мира, элемент макросферы «человек» (Ю.А. Кузнецов, И.А. Базылева, Г.А. Сисалиева).

Аналитический обзор исследований, посвященных языковой параметризации смеха, показал, что метафорическое моделирование смеховой *ситуации* еще не становилось предметом специального рассмотрения.

Актуальность исследования связана с необходимостью исследования роли метафоры в категоризации знания, в данном случае – с необходимостью выявления и анализа образного моделирования *смеховой ситуации* в совокупности её аспектов в русском языке.

Объектом исследования является функционирование метафор в сфере языкового отражения денотативной *ситуации смеха*.

Предметом исследования выступают метафоры (метафорические модели) как способы образной категоризации смеховой ситуации в русском языке.

Цель работы заключается в исследовании метафорического моделирования смеховой ситуации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Анализ работ, связанных с исследованием феномена смеха в гуманитарных науках, с целью выявления аспектов изучения и сущностных характеристик этого феномена.

2. Анализ лингвистических работ, посвященных исследованию средств и способов языкового отражения смеха, с целью обобщения и сопоставления результатов его изучения в рамках разных подходов и в практике лексикографического описания.

3. Выявление состава метафорических образов, моделирующих смеховую ситуацию в русском языке.

4. Исследование структурирования смеховой ситуации в русском языке при ее образном моделировании.

5. Анализ картины метафорического моделирования основных аспектов смеховой ситуации в русском языке.

Методы исследования. Данная работа выполнена в рамках семантико-когнитивного подхода. Для решения поставленных задач был использован ряд взаимодополняющих научных методов, адекватных предмету исследования: методы компонентного и контекстологического анализа, концептуальный метод; описательный и сопоставительный приемы аналитического метода.

Компонентный метод применялся при анализе семантической структуры лексических единиц, эксплицирующих смеховую ситуацию.

Контекстологический метод задействован в процессе анализа актуализации семантического потенциала метафорических образов при речевом отражении и интерпретации смеховой ситуации.

Концептуальный метод использовался для параметризации метафорического массива, эксплицирующего смеховую ситуацию. Данный метод позволил в качестве единицы структурирования метафорического массива использовать концепт – *метафорический образ* и его производную – *метафорическую модель*.

В теоретической главе исследования использованы **описательный и сопоставительный** приемы анализа материала.

Теоретической базой диссертации стали исследования в области классической семасиологии (работы Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко, В.Г. Гака, В.Н. Телия, А.А. Уфимцевой, В.К. Харченко, Г.И. Кустовой), когнитивной семантики (работы Э. Ролл, Ч. Филмора, М. Минского, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, А.П. Бабушкина, В.З. Демьянкова, Е.В. Падучевой, Е.В. Рахилиной), когнитивной теории метафоры (работы Дж. Лакоффа, А.Н. Баранова, Н.А. Илюхиной, Н.Д. Арутюновой, А.П. Чудинова, Н.А. Мишанкиной), языковой картины мира и концептосферы (работы А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Ю.В. Кравцовой и др.). В диссертации также были привлечены философские, психологические, культурологические, литературоведческие, искусствоведческие исследования смеха (работы А. Бергсона, З. Фрейда, Ж. Делеза, Л.В. Карасева, А.А. Аверинцева, А.В. Дмитриева, А.А. Сычева, М.М. Бахтина, В.Л. Проппа, О.М. Фрейденберг, С.З. Агранович, С.А. Голубкова и др.).

Эмпирической базой исследования послужили материалы, полученные методом сплошной выборки преимущественно из текстов художественного стиля, а также материалы Национального корпуса русского языка. Общее количество языкового материала, описывающего смеховую ситуацию, составляет около 5 тысяч текстовых фрагментов.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринята попытка осмысления метафорического моделирования смеховой ситуации в русской языке.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в том, что работа вносит определенный вклад в когнитивную теорию метафоры и в разработку проблем, связанных с изучением русской языковой картины мира.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских курсах лексикологии современного русского языка, стилистики, культуры речи, лингвокультурологии; при разработке спецкурсов по когнитивной семантике и теории метафоры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Картина метафорического моделирования представляет смеховую ситуацию как многомерно структурированную. Структура смеховой ситуации включает следующие основные аспекты: акустический, мимический, физиологический, перцептивный, процессуальный, эмоциональный, коммуникативный, каждый из которых представлен в широком диапазоне разновидностей. В центре метафорической интерпретации смеховой ситуации оказывается ее главный участник – человек смеющийся, с моделированием которого связано большинство названных аспектов.

2. Аспекты смеховой ситуации, актуализирующиеся при ее метафорическом отображении, соотносятся с аспектами смеховой ситуации, выявленными в результате семантического анализа системы специализированных лексических средств номинации смеха – лексико-семантической группы глаголов смеха и лексико-семантических полей смеха в работах, посвященных специальному рассмотрению средств вербализации смеха.

3. Многомерное структурирование смеховой ситуации и, с другой стороны, избирательная актуализация определённого аспекта как наиболее важного в конкретном коммуникативном акте обеспечивается большим (по сути дела, не ограниченным) составом метафорических образов. В моделировании многочисленных аспектов смеховой ситуации задействованы категории *живого существа, предмета, природной стихии*, каждая из которых представлена многочисленными конкретными метафорическими образами, демонстрирующими широкое лексическое и семантическое варьирование в процессе интерпретации данной ситуации. Ряд метафорических образов специализирован для интерпретации конкретных аспектов и форм смеха, но в

целом корпус метафорических образов тяготеет к комплексной интерпретации аспектов смеховой ситуации.

4. Существенная роль в метафорическом моделировании смеховой ситуации принадлежит образу *живого существа*, взятого в совокупности многочисленных аспектов. Этот образ позволяет акцентировать семантический признак *стихийности*, который является сквозным для разных аспектов смеховой ситуации.

5. В зону образной интерпретации смеховой ситуации последовательно вовлекаются признаки и свойства смеха, смехового поведения, выходящие за границы нормативных: чрезмерная громкость звучащего смеха и длительность улыбки, интенсивность соматических проявлений смеха, коммуникативная неестественность, неуместность и непонятность смеха.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию на региональной лингвистической конференции с международным участием «Языковая образность в свете разных исследовательских подходов» (Самара, 2010), на региональной научной конференции «Функционирование языка: категории и методы исследования» (Самара, 2006), на ежегодных итоговых конференциях преподавателей и сотрудников Самарского государственного университета (Самара, 2006 – 2011), а также в ряде публикаций в сборниках научных трудов.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры русского языка Самарского государственного университета.

Структура работы подчинена логике решения поставленных задач и отражает специфику языкового материала. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, описывается ее методология, раскрывается научная новизна, характеризуется теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Смех в научном описании» состоит из трех параграфов. В *первом параграфе* дается представление об аспектах изучения феномена смеха в разных гуманитарных науках.

В философских, социологических, культурологических, политологических науках смех осмысливается как особая форма отношения к действительности и уникальный социокультурный феномен, присущий только человеку (см. фундаментальные исследования А. Бергсона, И.В. Карасева, А.А. Аверинцева, А.В. Дмитриева). Смех описывается как средство взаимодействия общества и

власти (А.А. Иванюшкин); как явление, обладающее социокультурной ценностью, как часть мировой культуры (работы М.А. Кулинич, А.Ф. Балиной, О.П. Колпиковой, С.А. Троицкого, Ю.В. Латышева и др.). Отдельным предметом рассмотрения выступает смеховая культура, ее генезис (работы О.М. Фрейденберг, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Г. Узенера, С. Рейнака и др.); специфика отечественной смеховой культуры (работы Д.С. Лихачева, А.А. Сычева, А.В. Пешковой и др.).

Многоаспектную разработку в гуманитарном дискурсе (в рамках искусствоведческих наук, особенно литературоведения) смех получил как система художественных приемов создания комического: это фундаментальные исследования по теории и поэтике комического, видам комического (труды М.М. Бахтина, В.В. Проппа, С.А. Голубкова и др.); отметим современные исследования, посвященные формам воплощения комического в литературных (работы НИ. Логиновой, В.Б. Сорокина, Р.В. Шацкой, Е.В. Бочарской, Н.А. Орловой), кинематографических (В.В. Туевой) и музыкальных произведениях (И.И. Волонт, Т.А. Горячевой).

В психологии смех описывается как один из высших психических процессов. Отдельным предметом изучения становится юмор: исследуются особенности проявления чувства юмора у людей разного возраста (А.В. Кременецкая); у людей с психическими патологиями (Е.М. Иванова, Н.В. Иванова); потенциал юмора в продолжении кризисных социальных явлений (Н.П. Дедов, А.М. Арбитайло).

В педагогических работах рассматриваются возможности использования смеха и юмора в учебном процессе, в процессе подготовки специалистов (Н.Р. Салимов, Т.А. Евстигнеева, А.П. Суркова).

Каждая наука вносит свой вклад в понимание феномена смеха, при этом многие исследования, посвященные смеху, имеют комплексный, междисциплинарный характер. Это объясняется многомерностью самого объекта изучения, что делает проблематичным или даже невозможным его полноценное описание средствами только одной научной парадигмы.

Обзор гуманитарных исследований в этой области показывает, что смех рассматривается как типологически разнородное, амбивалентное явление, принадлежащее к разным сферам бытия и совмещающее в себе положительное и отрицательное начало. При этом смех предстает как социально-значимый феномен, обладающий широким набором функций; характеризующийся универсальностью и в то же время национальной и культурной обусловленностью. Функциональные и типологические характеристики смеха находятся в неразрывной связи со временем его бытования в рамках того или иного этноса. Специфика использования смеха, смеховые «нормативы» формируют смеховую культуру конкретного народа, позволяют отобразить систему его ценностей и воссоздать образ человека смеющегося.

Во втором параграфе рассматриваются ключевые направления лингвистической параметризации смеха (классическое семасиологическое и семантико-когнитивное); обосновывается введение понятия *смеховая ситуация*.

Обзор исследований в области лингвистической параметризации смеха позволяет сделать вывод о том, что смех воплощается в русском языке широким кругом средств, объединенных ассоциативно-семантическим полем как наиболее широкой полевой структурой, способной охватить все многообразие форм экспликации смеха и компоненты соответствующей ситуации. Ассоциативно-семантическое поле смеха включает лексику разной грамматической природы (глаголы и глагольные формы, существительные, прилагательные, наречия, слова категории состояния, звукоподражательные частицы, называющие участников смеховой ситуации и ее аспекты: *хохотун, смехач, клоун, юморист, посмешище* и т.д.).

Базовыми элементами данного поля выступают лексемы *смеяться* и *смех*. В ядерной и околюдерной репрезентативной зоне смеха преобладает глагольная и отглагольная лексика: *смеяться, смех, хохотать, хохот, хихикать, хихиканье, смешить, улыбаться, улыбка, усмехаться, усмешка, ухмыляться, ухмылка; ржать, ржание, прыскать, заливаться*.

Столь явное преобладание семантики процессуальности делает целесообразным использование понятия *смеховая ситуация*, так как именно ситуация выступает денотатом глагола. Семантика глаголов смеха позволяет в компрессированном виде передавать информацию не только о самой смеховой ситуации, но и в обобщенном виде указывать на ее участников, главным из которых является *человек смеющийся*.

Компонентный анализ глагольных репрезентантов смеховой ситуации, проведенный в специальных исследованиях (в работах М.С. Ротовой, Ю.А. Кузнецова, Л.Г. Бабенко), позволил выделить в качестве основных направлений семантической параметризации смеха форму его эмпирического бытования (*звучание и мимику*) и характер эксплицируемого содержания (*эмоции и отношения*, передаваемые при помощи смеха).

Третий параграф посвящен обзору когнитивных категорий, описывающих смеховую ситуацию, и отдельно – категориям *метафорической модели* и *метафорического образа*.

Сложность и многогранность явления смеха (смеховой ситуации) делает возможным его описание с помощью разных когнитивных категорий. Деятельная (процессуальная) сторона смеховой ситуации, ее многокомпонентность и ситуативная организация компонентов позволяют использовать для ее параметризации категорию *пропозиции* (Дж. Лакофф, Н.А. Илюхина); а использование образных средств для ее концептуализации – категорию *когнитивной (метафорической) модели* (Дж. Лакофф).

Метафорическая модель рассматривается в контексте современных подходов к исследованию метафоры. В параграфе дано представление об основных направлениях изучения метафоры в современной лингвистике; о специфике исследования метафорики через призму когнитивного подхода; о роли когнитивной метафоры в категоризации абстрактных реалий, таких, как смех (*смеховая ситуация*); о единицах членения метафорического массива и

отдельно – о соотношении категорий метафорической модели и метафорического образа.

В рамках данного исследования *метафора* понимается как механизм образной категоризации действительности (как процесс) и как его результат, воплощенный в языке. *Метафорический образ* рассматривается нами, вслед за Н.А. Илюхиной, как крупноплановая единица членения метафорического массива (концепт в образной функции), однокомпонентная в своей основе (включающая только сферу-источник); *метафорическая модель* – как ее производное, двухкомпонентный вариант, включающий сферу-источник и сферу-мишень.

Логика данной работы отражена в ее композиции: с одной стороны, нами выявляется структура сферы-мишени, т.е. смеховой ситуации (состав ее компонентов и аспектов, отраженных в языке), с другой стороны – состав метафорических образов, моделирующих смеховую ситуацию во всем диапазоне ее структурных особенностей; устанавливается функциональная закреплённость образов за определенными компонентами и аспектами ситуации.

Вторая глава «Метафорическое моделирование смеховой ситуации» совмещает несколько направлений анализа языкового материала:

- от денотативной области (смеховой ситуации) – к метафорическим моделям;
- от метафорических моделей – к денотативной области (смеховой ситуации);
- по линии основных форм эмпирического бытования смеха: звуковых и мимических.

В первом параграфе описывается система аспектов смеховой ситуации, выявленная, с одной стороны, в специальных работах, посвященных исследованию средств репрезентации смеха, и, с другой стороны, в нашей работе на основе анализа картины метафорического моделирования смеховой ситуации.

Анализ словарных дефиниций базовых репрезентантов смеховой ситуации, называющих основные формы ее эмпирического бытования (лексем *смех* и *улыбка*) обнаруживает сходство их семантической структуры и одинаковый способ лексикографической репрезентации семантики.

Проведенное исследование показало, что аспекты смеховой ситуации, которые актуализируются при метафорическом ее отображении, коррелируют с аспектами смеховой ситуации, выявленными в результате компонентного анализа лексем со значением смеха в работах, посвященных специальному рассмотрению средств его вербализации.

Круг выделенных аспектов, с присущими им разнообразными признаками, отражает многоплановость и многомерность смеховой ситуации.

Ряд аспектов характеризует внешние проявления смеха:

- акустический аспект, охватывающий разноплановые характеристики звучания смеха (*смех грохотал / лился / булькал, звонкий / скрипящий смех*);

- физиологический аспект, затрагивающий различные соматические проявления состояния смеющегося (*смех рвался из груди / лопнуть от смеха, спазмы смеха*), и рассмотренный в рамках физиологического аспекта

- мимический аспект, так как мимика представляет собой одну из телесных форм проявления смеха (*растянуть губы в улыбке, улыбка растеклась по лицу, широкая / кривая улыбка*).

Ряд аспектов сосредоточен в сфере описания плана содержания смеховой ситуации:

- эмоциональный аспект: звуковая и мимическая составляющие смеха выступают как способы, формы внешнего выражения эмоциональных состояний человека (*горький / сладкий / теплый / холодный смех / улыбка*);

- коммуникативный аспект, предполагающий интерпретацию смеха в качестве средства общения (*сдержанный / едкий смех, прикрыть улыбкой, согреть / ранить смехом, обезоружить улыбкой*).

Другие аспекты характеризуют данную ситуацию с точки зрения восприятия смеха и с процессуальной точки зрения:

- неоперативный аспект, отражающий восприятие смеха (*поймать смех, уловить улыбку*);

- процессуальный аспект, представляющий смех как процесс с характерными для него признаками, определяющими его протекание (*дробный / длинный смех, раскаты смеха, смех вслыхнул*).

Как показало исследование, границы аспектов не являются четко очерченными. В структуре смеховой ситуации выделены «сквозные» характеристики, которые в той или иной степени актуализируются при моделировании практически всех аспектов. И для звучащего смеха, и для его мимических форм такой сквозной характеристикой является **стихийность**.

Стихийность смеха находит свое воплощение в физиологическом (*умереть от смеха*), коммуникативном (*не сдержат смех / улыбку*), процессуальном (*смех ходил / прошелся / пролетел [по залу], улыбка бродила / промелькнула / проскочила [по лицу]*) аспектах смеховой ситуации.

Во втором параграфе охарактеризован круг наиболее продуктивных, крупноплановых метафорических образов, задействованных при моделировании смеховой ситуации, каждый из которых представлен более конкретными образами базового уровня и далее – вариантами этих образов, обнаруживающими закономерности многоаспектного развертывания в логике метафоры:

- образ живого существа (*смех ходил – улыбка бродила – смех вырывался – не мог сдержат улыбки*);
- образ предмета (*спрятать смех – снять улыбку*);

- образ природной стихии (*сиять смехом – улыбка замглась – смех лился – улыбка растеклась по лиру*).

С точки зрения объекта метафоризации (человека смеющегося) исследуемый метафорический массив представлен *антропоцентрическими метафорами* (в терминологии Г.Н. Скляревской), так как воплощения метафорических образов сосредоточены в сфере характеристики человека.

В функциональном отношении большинство метафор можно охарактеризовать как *когнитивные* (в терминологии Дж. Лакоффа и других), с помощью которых абстрактные реалии концептуализируются через призму реальных конкретных. При этом когнитивные метафоры, моделирующие смеховую ситуацию, являются типовыми не только для русского языка и, с учётом результатов, полученных исследователями на материале других языков, могут быть отнесены к числу *универсальных* (Л.А. Шестаков).

Как показало проведенное исследование, одним из наиболее важных и частотных при метафорической интерпретации смеховой ситуации является образ *живого существа*. Образное моделирование смеховой ситуации идет по линии актуализации различных признаков живого существа. Это и универсальные признаки, характерные для большинства живых существ, такие как способность к самостоятельному перемещению в пространстве; к взаимодействию с окружающей средой и другими живыми существами; и специфические признаки, присущие конкретным представителям животного мира, например, характер порождения звуков, особенности поведения, внешний вид.

Через призму образа *живого существа* смех (и в звуковой, и в мимической формах) метафорически интерпретируется как

- автономное от человека явление – квазисубъект (*смех прошел / пробежал / улыбка проскочила / проползла*);
- как атрибут смеющегося (*лающий / каркающий / смех, рев смеха*).

Так, через призму *квазисубъектного* воплощения образа живого существа смех персонифицируется и своеобразно «отчуждается» от смеющегося. Регулярной при этом является интерпретация смеха как субъекта, вступающего с человеком в определенные межсубъектные (физические) отношения, как правило, отношения *противоборства*, в которых смех предстает как агрессивный и сильный противник: *смех напал / овладел / захватил / душил [меня], бороться со смехом / пытался совладать со смехом / смех вырывался*.

В *третьем и четвертом параграфах* представлена детальная картина метафорического моделирования смеховой ситуации, с одной стороны, по линии состава формирующих ее аспектов, с другой стороны, по линии эмпирических форм ее бытования: звуковых и мимических.

Третий параграф посвящен анализу аспектов метафорического моделирования смеховой ситуации в контексте ее звуковых форм (собственно смеха). Звуковые формы смеха моделируются по линии акустического, физиологического, процессуального, перцептивного, эмоционального и

коммуникативного аспектов, но, как показало исследование, в русском языке наиболее детально и многогранно представлена картина моделирования акустического и физиологического аспектов смеховой ситуации – самих по себе либо в комплексе с иными аспектами.

Доминирование акустического аспекта вполне закономерно, так как именно звучание представляет собой основную форму эмпирического бытования смеха, обычно отличается своеобразием и даже способно выполнять идентифицирующую функцию. Метафорические образы детализируют акустическую сторону смеховой ситуации по линии различных ее характеристик.

В фокусе образной интерпретации акустического аспекта смеховой ситуации оказывается, прежде всего, смеющийся человек, который характеризуется через описание звучания смеха. Подавляющее большинство метафорических образов, наряду с интерпретацией акустических параметров звучания смеха, с разной степенью через оценку звучания передает субъективное восприятие смеющегося.

В зону образного осмысления попадают такие акустические характеристики смеха, как

а) громкость (*громыхать / греть / грохотать / реветь / хлопать от смеха, взрывы / залпы смеха / артиллерийский смех*);

б) высота (*раскаты / рокот смеха – смех зазвенел / тоненький смех*);

в) шумность / тоновость (*смех зашуршал, ржавый / каркающий смех – звонкий смех, смех зажурчал*);

г) прерывистость / непрерывность (*лающий / дребезжащий / булькающий смех – смех лился*).

Существенно дополняют эти характеристики смеха тембровые особенности звучания смеха, отражающие психическое, физическое состояние смеющегося, его пол, возраст.

Например, метафоры, передающие благозвучный, плавный звук смеха (*звенеть смехом, звонкий смех*), как правило, характеризуют женский и детский смех, тогда как метафоры, отражающие неблагозвучный, резкий, диссонансный звук смеха (*ржавый, каркающий, лающий смех*) – более типичны для образной характеристики мужского и старческого смеха. Неблагозвучность смеха также может свидетельствовать о физических ограничениях смеющегося: болезненных состояниях, дефектах речи (*кашляющий / икающий / булькающий смех*).

При этом образной интерпретации звучания смеха присуща диффузность, которая выражается в комплексном отображении различных акустических характеристик. Ср.: *Тоня зажурчала серебристым смехом, слившимся с бульканьем воды по камням (Е. Маркова)*. В этом развернутом метафорическом образе находят свое воплощение и акустические характеристики самого звука смеха (средняя громкость, высота, протяженность), и индивидуальные тембровые особенности смеющегося

(плавный, эстетически приятный, мелодичный звук женского смеха).

Физиологический аспект в большей степени характеризует звучащий смех в аспекте интенсивности его проявления. В нашем материале находят последовательное отражение физиологические симптомы и поведенческие особенности человека, находящегося в состоянии неудержимого смеха: сбивающееся дыхание, захват воздуха и задержка дыхания (*захлебывался / давился от смеха*), непроизвольные телесные движения (*не могли разогнуться / валялись от смеха, хватались за животы, катались по полу, бился в судорогах смеха*).

Через призму метафор интерпретируется как сам факт потери контроля смеющимся над своим телом (*смех овладел / душил / разобрал* и т.д.), так и различные телесные реакции в состоянии смеха (*покатиться со смеху / давиться / захлебываться смехом, зыгнуться смехом, задышаться / лопнуть / распирало от смеха, приступы / колики / лихорадка смеха* и т.д.). С помощью метафорических образов акцентируется внимание на безудержности, стихийности смехового действия (*дикий / бешеный / бурный смех*), на состоянии изнеможения, вызванном долгим и продолжительным смехом (*умирать / скиснуть / рассыпаться от смеха*).

В процессе образной категоризации физиологические реакции, сопровождающие процесс смеха, становятся призмой для оценки интенсивности смеха и его независимости от воли смеющегося. Исходно эти реакции связаны со смехом по смежности – как формы его внешнего проявления, являясь, по существу, метонимическим образным способом отражения состояния смеющегося человека. Постепенно, по мере гиперболизации характеристики физиологических проявлений смехового состояния, эти реакции начинают осмысляться как метафоры, интерпретирующие стихийность и интенсивность состояния смеющегося человека.

В основании многих подобных образов лежит эмпирическое представление о физиологическом протекании смеха. При образной экпликация стихийности и интенсивности смеха эти соматические действия (по метонимической логике) порождают метафору. Например, выражение *захлебнуться от смеха* представляется типичной метафорой, образованной путем соположения физиологического эффекта, который возникает от попадания жидкости в дыхательные пути (*начал пить так быстро, что чуть не захлебнулся*), и физиологического процесса, сопровождающего неудержимый смех (*смеялся так сильно, что чуть было не захлебнулся смехом*). Следовательно, метафорический образ оказывается результатом второго этапа образной категоризации – трансформации метонимической модели в метафорическую.

Четвертый параграф посвящен анализу аспектов метафорического моделирования смеховой ситуации в мимической форме – улыбки. Смеховая мимика образно интерпретируется по линии мимического, процессуального,

перцептивного, эмоционального и коммуникативного аспектов. Через призму метафорической образности наиболее широко и многосторонне представлены **мимический и коммуникативный аспекты**.

Мимическая форма смеха является значимой формой его проявления. К типовой мимической форме смеха относится улыбка. В зону образной концептуализации вовлекаются различные соматические (собственно мимические) признаки улыбки:

а) открытая (сопровождающаяся показом зубов) – закрытая (полуулыбка) (*широкая улыбка / сверкать улыбкой / скалиться – легкая / слабая / вялая / тихая улыбка*);

б) симметричная (когда скуловые мышцы растягиваются равномерно на одинаковое расстояние) – асимметричная (*широкая улыбка / рот подковой – кривая улыбка / лицо перекошено улыбкой*).

Для моделирования мимического аспекта, как и для образной интерпретации акустического аспекта, характерна семантическая диффузность. Многие образы, кроме собственно мимической семантики, высвечивают и другие смыслы, связанные, в частности, с коммуникативной ролью улыбки. Например, метафорическое выражение *сверкать улыбкой* создает эстетически приятный образ улыбающегося человека; с помощью метафорических выражений на базе леммы *скалить / скалиться* улыбающийся человек характеризуется как **недоброжелательный, агрессивный участник коммуникации** (оскал у животных отражает их готовность к нападению): осмеивающий кого-либо или неуместно смеющийся. Человек, так улыбающийся, оценивается неодобительно.

Широкая улыбка характеризуется как открытая, доброжелательная, искренняя, в отличие от *кривой улыбки*. В русской языковой картине мира понятие *кривизны*, помимо собственно пространственного значения (кривой – т.е. не прямой, изогнутый), обладает и устоявшейся оценочной семантикой отклонения от нормы. *Кривизна* выступает противоположностью *прямоты* (ср. *прямой взгляд* – открытый, честный; *кривой взгляд* – лживый, презрительный; *кривое зеркало* – искажающее истинную картину и т.д.). Поэтому в русском языке понятие *кривой улыбки* характеризует не столько ее форму, сколько отношение человека, улыбающегося такой улыбкой, к другим участникам коммуникации.

Смеховая мимика, в отличие от жеста смеха, способна более тонко отражать коммуникативные особенности говорящих и отношения между ними. Поэтому при моделировании мимических форм смеха **коммуникативный аспект** предстал более полно, чем при моделировании звучащего смеха. Мимические формы смеха позволяют выразить доброжелательность, приветствие, сомнение в сказанном, иронию, презрение, превосходство, завуалировать истинные намерения или состояния. Образно моделируются следующие коммуникативные характеристики смеховой мимики:

- искреннее выражение доброжелательности, приветствия (*мягкая / теплая улыбка*);
- ритуальность (*резиновая улыбка / выдавить из себя улыбку*);
- открытое выражение недоброжелательного отношения к собеседнику (*кривая усмешка*);
- манипулятивность (*прятать / скрывать за улыбкой*);
- уместность/ неуместность использования (*спрятать / согнать улыбку*).

Доминантами русской коммуникативной культуры считаются искренность и открытость, которую участники проявляют в общении (И.А. Стернин). Смеховая мимика выступает способом выражения разнопланового доброжелательного отношения участников коммуникативной ситуации друг к другу (дружелюбие, приветливость, согласие, поддержка, одобрение, участие). Основной жест, выражающий эти отношения, – «правильная», симметричная, *широкая* улыбка: *Увидев Татарского, он встал со стула, широко улыбнулся и раскрыл руки для объятий (В. Пелевин)*.

Однако значительная часть метафорического материала сосредоточена в области описания не открытой и искренней, а ритуальной, недоброжелательной, манипулятивной, неуместной смеховой мимики. Так, в фокус метафорической образности регулярно попадают различные «ритуальные», «дежурные» улыбки, которые оцениваются носителями языка неодобрительно и даже иронически. Такие улыбки образно осмысливаются (нередко в индивидуально-авторских метафорах) как

- предмет одежды (*надеть – снять улыбку*);
- маска (*наклеить / нарисовать улыбку, лицо застыло в улыбке*);
- механизм, который можно завести (*отладить улыбку*).

Улыбка, не соответствующая эмоциональному состоянию человека, образно интерпретируется как вынужденная, неестественная, болезненная (*вымученная / вялая / кислая / кривая улыбка*): *Азадовский криво улыбнулся – эта улыбка была больше похожа на нервную судорогу (В. Пелевин)*.

Как показало исследование, для интерпретации и звуковых, и мимических форм смеха, в основном, регулярно используются неспециализированные метафорические образы:

- зооморфные образы (*лающий смех, змеящиеся улыбки*);
- образы света (*смех вспыхнул / светлый смех; улыбка зажглась / осветила, сияющая улыбка*);
- образы жидкости (*смех полился, улыбка растеклась по лицу*);
- образы перемещения в пространстве (*смех ходил / улыбка бродила*);
- образы манипуляции с предметом (*скрыть / поймать смех*);
- сенсорные образы (*мягкий смех / улыбка; горький смех / улыбка*).

При этом контекстуальные воплощения данных образов показывают, что

даже при кажущейся универсальности они могут обладать различным смысловым наполнением при моделировании звучащего смеха и его мимических форм.

Например, **метафорический образ перемещения в пространстве** при характеристике звучащего смеха (*смех ходил [по залу]*) актуализирует процессуальный признак *распространяемости* (смех словно «переходит» от одного смеющегося к другому). Тот же метафорический образ при интерпретации мимических форм смеха (*улыбка бродила [по лицу]*) уже акцентирует процессуальный признак *длительности* и *стихийности* проявления смеховой мимики.

Другой пример: **сенсорный (вкусовой) метафорический образ** при характеристике звучащего смеха (*скинуть от смеха*) актуализирует физиологические признаки *изнеможения, усталости*, сопровождающие интенсивный, продолжительный смех. Тот же образ при характеристике мимических форм (*кислоя улыбка*) актуализирует эмоциональные признаки *печали и недовольства*.

Ряд метафорических образов тяготеет к моделированию одной из форм эмпирического бытования смеха. В числе метафорических образов, регулярно интерпретирующих звучащий смех, отмечены следующие:

- образы физического взаимодействия (*смех завладел / охватил*);
- физиологические образы (*колики / спазмы смеха, сильный смех*);
- военные образы (*взрывы хохота, артиллерийский смех*);
- грома образы (*раскаты смеха, громовой хохот*);
- образы сыпучего вещества (*смех посыпался, рассыпаться в смехе*).

Мимические формы смеха регулярно моделируют:

- образы растений (*улыбка расцвела / завяла*);
- пространственные образы с семантикой *кривизны* (*кривая улыбка*);
- образы упругого предмета (*натянутая / резиновая улыбка*).

В моделировании смеховой ситуации также можно отметить пласт метафорических образов, специализированных для интерпретации отдельных ее аспектов. Например, **метафорические образы физического взаимодействия**, в основном, сосредоточены в сфере описания физиологического аспекта смеховой ситуации (*смех овладел / захватил*); **образы манипуляции с предметом** – в сфере характеристики перцептивного аспекта (*поймать смех, уловить улыбку*) и коммуникативного аспекта (*спрятать смех, скрыть улыбку, выдавить смех / улыбку, приладить / наклеить / зачехлить улыбку*).

Однако в целом корпус метафорических образов, задействованных в интерпретации аспектов смеховой ситуации, отличает **свкретизм**: один метафорический образ может отобразить смеховую ситуацию в «свернутом виде», одновременно акцентируя семантику различных признаков и аспектов.

Например, **зооморфные метафорические образы** регулярно интерпретируют различные акустические признаки смеха: *громкость (ржание), тембр (каркающий / кудахтающий / хрюкающий смех)*; при этом данные образы одновременно актуализируют и процессуальный признак *дискретности (каркать, лаять, ржать – издавать отрывистые звуки)*, и коммуникативный признак *неуместности* использования смеха.

Метафорические образы тяготеют к целостной оценочной характеристике **субъекта смеха**. Разнообразные признаки смеха, образно преломленные, в большинстве своем передают физиологическое, психическое, эмоциональное состояние смеющегося, его поведенческие особенности и восприятие наблюдателем.

Синкретизм метафорических образов проявляется и в другом: один и тот же признак смеховой ситуации через призму разных метафорических образов по-разному оценивается носителями языка, что, в конечном счете, создает разные образы смеющегося. К примеру, акустический признак *громкости* смеха позволяют моделировать **метафорические образы природных стихий и зооморфные метафорические образы**: громкий смех метафорически интерпретируется и как *раскатистый*, и как *лающий*. Оба метафорических образа передают не только признак громкости, но и сходные тембровые признаки (*раскатистый* – это низкий, звучный смех; *лающий смех* также можно интерпретировать как резкий, звучный); оба образа актуализируют и процессуальный признак *дискретности* (раскаты, лай). Интерпретация громко смеющегося человека через призму метафоры *раскатистый смех* не сопровождается оценкой, тогда как при использовании метафоры *лающий смех* оценка смеющегося носит неодобрительный и иронический характер.

Метафорические образы, задействованные в моделировании смеховой ситуации, отличает особенность, характерная в целом для метафорического отображения макросферы «человеку»: метафоры тяготеют к интерпретации признаков и характеристик смеха, выходящих за рамки нормативных. Это могут быть отклонения от различных норм проявления того или иного признака смеха:

1) **акустических признаков громкости и тембра:**

- слишком громкий звук (*грохотать смехом, взрывы смеха*);
- звук, порождение которого сопряжено с физиологическими ограничениями смеющегося (*кашляющий / скрипучий / булькающий смех*);

2) **физиологических признаков:**

- смех, чрезмерно интенсивный в своих соматических проявлениях (*лопнуть от смеха, разрывало от смеха, рассыпаться смехом, бешеный смех*);
- улыбка, длящаяся сверх меры (*растянутая / застывшая улыбка*);

3) **коммуникативных признаков:**

- неестественность (*выдавать смех / улыбку, деревянный смех*);
- неуместность (*ржать как лошадь*);

– непонятность, неоднозначность (*дьявольский смех, кривая улыбка*).

Исследование выявило корреляцию образной категоризации смеха с категоризацией других состояний сферы «внутренний мир человека»: метафорические образы, использующиеся для интерпретации различных аспектов смеховой ситуации, используются и для моделирования эмоций, интеллектуальных состояний.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Статьи в рецензируемых научных изданиях:

1. Викулова В.В. Метафорическое моделирование смеховой ситуации в русском языке (на примере интерпретации признака стихийности) / В. В. Викулова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. № 3 (77). – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. – С. 136–141.

II. Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов:

2. Викулова В.В. Функционирование концепта «смех» в поле русской национальной коммуникативной культуры / В.В. Викулова // Функционально-коммуникативный аспект анализа языковых единиц: сборник научных трудов. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – С. 43–49.

3. Викулова В.В. Актантная модель как способ вербализации фрейма СМЕХОВАЯ СИТУАЦИЯ (на материале глагольных дериватов лексики *смеяться*) / В.В. Викулова // Системное и асистемное в языке и речи: материалы международной научной конференции (Иркутск, 10-13 сентября 2007 года) / под ред. М.Б. Ташлыксовой. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – С. 164–169.

4. Викулова В.В. Акустический аспект смеховой ситуации через призму метафорической образности / В.В. Викулова // Слово, созвучное времени: сб. статей памяти С.А. Копорского / под ред. Л.Н. Новиковой. – Тверь: Издательство Марины Ботасовой, 2010. – С. 231–239.

5. Викулова В.В. Потенциал образа живого существа при метафорической интерпретации смеха в русском языке / В.В. Викулова // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы III Междунар. науч. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – С. 40–42.